

ГЕОПОЛИТИКА КОЛЯНЫЧА

Коляныч Буздыкин тяжело разлепил слипшиеся веки. Шел 12-й день запоя. Нутро горело. Во рту была пустыня. За обшарпанным столом, на покосившемся стуле сидел ангел-хранитель. Оперенье его поблекло, грязно-серые крылья бессильно свисали вдоль тела. На заплыванном полу валялись перья.

Ангел для Буздыкина был не в новинку. По «белочке» еще не такое видел. Явление ангела было лишь ее преддверием.

- А, это ты... - с трудом ворочая языком, прохрипел Буздыкин.

- Достал ты меня, Коля - пропел грудным голосом ангел: - Уйду я от тебя.

- Вали... - отмахнулся Буздыкин, пытаясь подняться. Чудом он сел на кровати. В голове стучало, к горлу подкатывала тошнота. Он сфокусировал взгляд.

На столе стояла бутылка, на донышке еще оставалось. Цель стала ясна.

- Сам знаешь, что не могу - продолжил ангел.

- Ну и... сиди тогда тихо. Не мешай.

Ангел тяжело вздохнул. Буздыкин короткой перебежкой, на полусогнутых, достиг стола и плюхнулся на стул.

Отдышавшись, он коротким броском вылил содержимое бутылки в себя, не дав организму ни секунды на раздумья и ответную реакцию. Желудок содрогнулся и жадно впитал порцию алколоидов.

Смешавшись с кровью, они ринулись в центральную нервную систему и мозг, вступая в контакт с нейронами, гормонами и прочими организмами, высвобождая эндорфины.

Липкая волна эйфории пробежала по телу Буздыкина. Он смачно рыгнул. Ангел брезгливо поморщился. Буздыкин мгновенно ослепел и тупо уставился в экран работающего со вчерашнего вечера телевизора. С чего-то показывался какой-то иностранный канал. Английский язык Буздыкин знал хорошо.

Там американский президент о чем-то убедительно рассказывал с трибуны. Потом картинка сменилась, замелькали американские конгрессмены на фоне американского флага.

К горлу Буздыкина опять подступила тошнота. Он понял, что доза была мала и скоро его опять накроет по-полной. Проблему надо решать. На соседнем стуле опять заерзал ангел-хранитель.

- Ну что мне сделать, Коля, чтобы ты раз и навсегда перестал пить? - затянул он уже знакомую Буздыкину песню.

Буздыкин пьяно ухмыльнулся.

- Нет, только не водку, мы это уже проходили. Проси иное.

- И-НННН-О-Е... - растягивая слога и икая, чувственно произнес Забудыкин - Ну, раз ИНОЕ – тогда портвейн!

- Да нет, же, Коля, нет... Проси все, что хочешь, все сделаю, только завяжи, устал я с тобой, да и от начальства постоянно нагоняй, что не могу тебя направить... - ангел помолчал и грустно добавил - Перья летят...

Буздыкину уже надоел этот бессмысленный с его точки зрения диалог. Нервная дрожь напомнила о приближении коллапса и необходимости срочных мер.

Взгляд его опять упал на экран телевизора. Новости шли своим чередом, республиканцы срались с демократами и наоборот.

- Еще эти, с@ки, на голову мне... Врут о Россиюшке и не краснеют ни разу! - привычно завелся Буздыкин. Он повернулся к ангелу - Так любое, говоришь?

- Любое, Коля, любое... конечно, в пределах моей компетенции - засуетился ангел.

- В прррр... в пррррре... - Коляннич завяз в согласных, мотнул головой, сглотнув тугую слюну - А где твои пределы, ты мне скажи, где твои пределы?...

- Без предела у нас только ОН - ангел поднял глаза к потрескавшемуся потолку - А мы на службе, сам знаешь, инструкции, устав, но... границы моих полномочий достаточно широки, чтобы...

- А можешь... - перебил его Буздыкин - Можешь сделать так, чтобы в Штатах перестали врать?

Ангел на секунду задумался.

- Боюсь, Коля, это слишком неподъемная задача. Мое начальство только «за», но вот, так сказать, смежное ведомство будет возражать, это их компетенция.

- Так и знал! - Буздыкин самодовольно ухмыльнулся - Как говорится, не мешки ворочать.

- Ну, а ты попробуй еще что-нибудь, не такое глобальное - взмолился ангел.

- Так сделай хотя бы так, чтобы все знали, когда они врут, а когда правду говорят.

- Это как?

- Ну... Ну... пусть они пердят во всеуслышанье, когда врут!

Ангел надолго задумался.

- Пожалуй, можно попробовать - ангел рассуждал сам с собой - Оформим как заказ аскета. Ты, Коля, сколько уже толком не ел? Суток трое есть?

Буздыкин неуверенно мотнул головой. Ангел продолжил думать вслух:

- Не ест, только пьет, организм изможден поисками правды... устроим блиц-опрос воплощенных душ, проведем негласный референдум... В общем, Коля, обещать ничего не могу, но шанс есть. В случае положительного исхода, подтверди, что бросишь пить.

- Да, стопудово!

- Смотри, я записал.

- На скрижалях? - ухмыльнулся Буздыкин.

- На них самых - без тени иронии ответил ангел - Ну, я полетел утрясать.

- Лети, голубь, лети...

Ангел поднялся над стулом, повис на мгновение в воздухе и резко ушел в потолок. Посыпалась побелка и несколько перьев осталось порхать в комнате. Буздыкин снова уставился в телевизор, соображая с чего начать поиски денег и собутыльников...

... Третий день как в Соединённых Штатах Америки бушевала странная эпидемия. Неудержимый и бесстыдный пердёж рвался из недр американских тел на всем американском просторе.

Пердели все – демократы и республиканцы, сотрудники Госдепартамента и чиновники ФБР и ЦРУ, густо базили губернаторы и журналисты, жалобно попёрдывали владельцы кафе и ресторанов, кокетливо пукали секретарши, смачно пердели конгрессмены.

Налицо была видна лишь одна четкая закономерность: чем выше пост, тем громче, извините, резонанс. Джон Маккейн, сидя в Капитолии, пердел так, что эхо металось по всему Вашингтону, заглушая звуки сирен и клаксоны, стоящих в пробке машин.

Сказать, что в обществе случился шок, значит, не сказать ничего. Прямые эфиры на телевидении слетали один за другим. Стоило какому-нибудь американскому чиновнику открыть рот, как неумолимый пердёж накрывал с головой и его и задающего вопрос журналиста.

На заседаниях Конгресса вонь стояла такая, что хоть святых выноси, благо что их не было. Работали при открытых окнах, но душераздирающие звуки пугали прохожих. Удивительно, но меньше всех пердел председатель Сената, поскольку больше молчал и задавал вопросы. Но стоило ему перейти к советам,

что и как делать, как у слушающих наступала легкая контузия от ударной волны его выхлопов. Решено было разойтись до прояснения ситуации.

Работа Палаты представителей была полностью парализована. Несколько раз приезжало ФБР, приняв канонаду в её стенах за начало террористической операции. Маккейн попал в реанимацию с разрывом ануса и внутренним кровотечением. Пердела и сама полиция во главе с начальником, невольно соревнуясь в децибелах с Федеральной Прокуратурой. Укромно, втихомолочку пощёлкивало и нюхало АНБ за толстыми стенами со звукоизоляцией.

Громовые раскаты сотрясали Белый Дом. Его спикер, в замешательстве от синхронного открывания рта и жопы даже отрастил трехдневную щетину, которая скрывала краску природной застенчивости.

Перделю всё американское Министерство юстиции, пердели таможня и налоговики, пердели с чувством, толком, расстановкой журналисты и ведущие средств массовой информации. Залихватский пердёж перекинулся и в американские банки, внося коррективы в работу финансистов.

Беспощадно и зло, по-армейски, пердели в Пентагоне, выдавая врагу сокровенное. Дело дошло, простите, и до самого его Главы.

После двух неудачных фраз треснули толстые пуленепробиваемые стекла белодомовских кабинетов. Срывались важные переговоры, ибо пердеть в окружении таких же пердунов своей администрации – это одно, а пердеть в присутствии глав суверенных государств – это, согласитесь, совсем другое.

Застенчиво пердел Государственный департамент, озвучивая ноты и обращения. Все эфиры на телевидении шли теперь только в записи с микшированием звука. Чиновничья Америка пердела беспробудно и безостановочно, сотрясая этажи вертикали власти. Разухабистый пердёж катился по городам и весям от Аляски до Флориды и обратно, достигая своего апогея в Вашингтоне. Как невидимый Везувий вздымался он над Белым Домом и перекрывал зловонными выбросами Статую Свободы в Нью-Йорке. Словно Новый Год поселился в стране, с пулеметной трескотней петард, но без фейерверка

...

...На четвертый день ангел вновь спустился к Буздыкину. В руках он держал две бутылки водки.

- Ну что, пляши, Коля, инициатива твоя наверху понравилась, принято решение ее расширить и углубить. Теперь это коснется и деятелей, так сказать, культуры.

- А как же «смежники»?

- Пока молчат. Обдумывают ситуацию или готовят ассиметричный ответ, сам не знаю. А это – тебе.

Ангел поставил перед Коляннычем водку:

- Так сказать, на посошок, перед полной завязкой. Ну, мне пора, не скучай.

Ангел вознесся. Буздыкин сидел, тупо уставившись на водку. Пить почему-то не хотелось...

...А процесс действительно пошел и вглубь и вширь. Теперь уже нещадно пердели не только власть имущие, но и прочие, прости Господи, деятели культуры, инженеры человеческих душ.

Загрустил американский бомонд, опустели элитные клубы и тусовки, презентации проходили при полном отсутствии народа. Многие певцы, режиссёры и актёры прекратили гастрольную деятельность, потому как стоило им открыть рот перед микрофоном, пердёж страшной красоты и силы перекрывал любую фонограмму. Что уж говорить о пердунах рангом поменьше.

Предательский пердёж с головой выдавал нерадивых и бесталантных артистов. И если в кино его можно было еще убрать, то уж в театре... Некоторые театры просто не справлялись с вентиляцией. Голливуд по количеству едких выхлопов напоминал птицефабрику, совмещенную со свинофермой, где вся продукция год уже как испортилась...

Телевидение и журналистика, первые дни соблюдавшие информационную блокаду, рухнули под напором Интернета, давая робкие репортажи о необычном природном явлении.

Американская пресса переживала кризис, поскольку абсолютно все издания были посвящены одному событию. «ГАЗЫ», «КТО ГРОМЧЕ», «РЕЙТИНГ СТА ВЫСОПОСТАВЛЕННЫХ ПЕРДУНОВ» и просто «ПЕРДЁЖ» - только заголовки, набранные крупным шрифтом, соревновались друг с другом. В остальном содержание было одинаково: растерянность, злорадство, сарказм и ожидание конца света. Круглые столы анонимных алкоголиков заканчивались оглушительным пердежом участников.

Власть, выйдя из ступора, решила предпринять расследование, но не знала откуда его начать, пердели повсюду...

Резко возросла потребность в азбуке глухонемых и мессенджерах. Разговоры стали писать на бумаге. Но, как потом выяснилось, это был лишь «отложенный пердёж», и когда владелец написанного вновь открывал рот, вся накопленная им сумма вранья выстреливалась безостановочным пердежом. Многие бизнесмены и политики лишились покоя и сна. Очень туго пришлось журналистам. Их статьи проходили тоже по этому сценарию. Карьера многих безвременно оборвалась, можно сказать, «под грохот канонады».

Маккейн, очнувшись после комы, метался, привязанный к кровати и кричал, что биологическая война против США началась, и дайте ему только добраться до заветного чемоданчика, как Россия будет пердеть и улыбаться на том свете. Но после жесточайшего извержения, швы у него разошлись, и он снова впал в кому.

Производители вазелина и антигеморройных мазей срубали бешенные бабки. Ведь жопы, извините за банальность, не резиновые и после столь нещадной эксплуатации требовали профилактического ремонта.

Народные умельцы и целые корпорации искали выход. Всевозможные глушилки и заглушки не приносили должного эффекта. Памперсы для взрослых были отвергнуты практически сразу, ибо выполняли роль пыжа. Клинтон искала спасения в горах Тибета, где разреженный высокогорный воздух смягчал остроту и резкость спонтанных газов, но была изгнана монахами за осквернение святынь. А эпидемия разрасталась, опускаясь в нижние слои населения. Пердели, правда, по-мелкому, без размаха, на бытовой почве. Но теперь банальный адюльтер оборачивался хроническим пердежом. Бомжи преобразились, чувствуя вокруг родную атмосферу.

Что-то надо было решать. И американская власть решила проявить мудрость и политическую волю. Раз нельзя с этим бороться, значит, надо оседлать волну.

Тон выступлений сменился. Замелькали лозунги: «Кто не пердит, тот не патриот!», «Пердёж – наше все!», а фонд Джорджа Сороса выкатило слоган «Пердим по-американски!».

На телевидении косяком пошли передачи типа «Пердите с нами, пердите как мы, пердите лучше нас». Американские СМИ образовали крупнейшую корпорацию с названием «Художественный пердеж». А при подборе дикторов стали оценивать проникновенность и тональность пука.

В продаже стали появляться записи наиболее редких и забористых пуков в разных музыкальных обработках, от рока до классики. Из-под полы продавались контрафактные пуки чиновников и звезд эстрады, оставшихся без работы. Радиостанции стали в виде позывных сигналов транслировать реальное эхо Вашингтона и отголоски с окраин. Жизнь понемногу налаживалась.

Но случилось непоправимое – эпидемия переступила границы США. Дурной пример, как говорить, заразителен. А началось с ООН, куда американские дипломаты привезли заразу. Работа этого ответственного органа была деморализована.

Не нашлось ни одного представителя какой-нибудь страны (за исключением Восточного Тимора, что говорит, скорее, о его неопытности), кто избежал бы этой участи.

Разухабисто пердели канадцы, педантично и натужно пердели немцы, широко и без комплексов – норвежцы, тихо по-английски – англичане, с улыбкой на устах и поклонами пердели японцы, мрачно, с чувством собственного достоинства пердели австралийцы, высокохудожественно, с переливами – французы, виртуозно, как фламенко – испанцы, истерично пердели поляки, миролюбиво пердели шведы, отчаянно жестикулируя – итальянцы, всем нашлось место в этом уникальном по своей природе оркестре.

Но вести дальше совместно заседание было невыносимо. Генеральный секретарь ООН объявил бессрочный отпуск и предложил вести координацию действий в режиме on-line, оглушительно пернув напоследок.

Дальше несложно предположить. Каждый принес в свою страну споры безудержного пердежа и мечты глобалистов стали реальностью. Мир пердел в унисон от Земли Франца Иосифа до Мыса Горн. Конечно, пердели не все шесть миллиардов, мало ли на Земле честных людей. Но, положа руку на сердце, много кто из нас задумывался, где он прихвастнул, где преувеличил, где утаил чего. Теперь пришлось.

Серьезные последствия пришли позднее. Рухнули все западные разведки мира. Детектор лжи устарел за ненадобностью. Правительства не могли больше врать народу, и многие из них по-тихому разошлись. Реклама умерла как монополист профессионального пердежа. Биржи закрылись. Бакс рухнул, поскольку даже обладание этой бумажкой приводило к пердежу с летальным исходом. Президент США, кроме фразы "Я люблю Америку", вообще ничего не мог сказать без тяжких последствий для своей жопы и заперся в бункере, в штате Невада.

Чудеса приспособляемости продемонстрировали только профессиональные игроки в покер, научившись подпёрдывать в нужных местах. Остальной мир катился в тартарары...

...а к Буздыкину вновь явился ангел.

- Коля, Коля, проснись!

- А... Что?!.. Уже?!.. Все, конец мне, то есть водке?... - Буздыкин яростно растирал опухшую рожу, ища глаза.

- Да, Коля, конец, да не тебе, а миру!

- Ему-то за что?

- А вот, Коля, доперделись до твоей правды, доперделись... Как всем миром начали, так и доперделись, хуже машин ваших проклятых. Это уже не СО2, это метан, дорогой, да в таких количествах, что все, теперь уж стопудово, как ты говоришь, парниковый эффект! Ледовые шапки на полюсах стремительно тают, Голландию уже скрыло. Да с такими темпами месяц-два и смочет все, Потоп это, Коленька, причем не запланированный... Вот почему «смежнички»-то помалкивали, просчитали...

- Ах, ты мать честная, а чё же вы... это... не остановите?..

- Теперь только ты и можешь. Отмени заказ, у нас же строго все, бухгалтерия. Кто дал, тот и взял.

Буздыкин почесал грязную майку на груди:

- Это ж, едрена, судьба мира, можно сказать, в моих руках...

Он с удивлением посмотрел на свои заскорузлые пальцы с черной каймой под ногтями.

- В твоих, Коленька, твоих, давай, дорогой, быстрее, а уж мы, я... сам понимаешь!

- По-ни-ма-ю... - с расстановкой протянул Буздыкин и сел подбоченившись:

- Значица таааак... - Буздыкин задумался, ангел нервно трепетал крылами.

- Значит, чтоб с водкой никаких проблем - Буздыкин метнул взгляд на ангела - НИ-КОГ-ДА!

- Само собой, Коленька.

- И... это... верни Любку сюда, и шоб как шелковая... - пожелал Буздыкин - И шоб чин чинарем, муж, жена, порядок... Понял?

- Ну ты, Коля, опять из разряда неподъемных...

- Ничё не знаю, как мир спасать, так Коля, а как...

- Будет, Коля, как миленькая, извини за непонятливость. Что-нибудь еще?

Буздыкин задумчиво пожевал губами, позагигбал плохо гнущиеся пальцы:

- Да, ладно, чего уж там, снимаю свой заказ.

- Вот и славненько, вот и хорошо! - ангел засуетился, забил крыльями, собираясь взлететь.

- А водка, друг?!

- А водка, Коля, в холодильнике, а Любка уже в пути. Пока, мой дорогой, живи – не тужи, а я уж присмотрю.

...На следующий день мир проснулся в необычной тишине, даже птицы присмирели. Люди, недоверчиво глядя друг на друга, высыпали на улицы. Тишина не проходила. Тишина стояла. Появились улыбки и слова. И ни-че-го...

Только когда случайно пукнул маленький мальчик, все в страхе разбежались от него. Но когда осознали, что ни-че-го не происходит, зааплодировали ему.

А Любка мыла грязный пол, поблескивая бриллиантовыми серьгами и приговаривая:

- Счас, Колюшка, тут домою, за кухню примусь, а там и оладушек напеку, ты ведь любишь оладушки?

- Люблю... - жмурился Колянчик. Он был счастлив, - мир спасен!